

Большой котёл супа из старой утки с квашеной редькой варили из пёстрой утки, купленной у деревенской семьи, которая держала уток; такая лучше всего подходила для тушения супа. Цвет у супа был прозрачно-жёлтый, на поверхности плавал тонкий слой золотистых капель жира, утиное мясо разварилось до мягкости и пропиталось вкусом, а запах квашеной редьки, смешанный с мясным ароматом, наполнил весь дом.

Квашеную длинную фасоль нарезали мелко; кусок свиной грудинки, наполовину жирной, наполовину постной, тоже порубили. В разогретый котёл налили масла, всыпали заранее подготовленные лук, имбирь и чеснок, обжарили до аромата, потом добавили мясной фарш и рубленую квашеную фасоль, вместе всё перемешивая на огне; в конце бросили горсть крошеного красного перца и нежного зелёного лука, чтобы выбить запах до полной яркости.

Двух мясных блюд было достаточно, оставалось ещё обжарить тарелку дикорастущей зелени, и можно было садиться за стол.

— Есть пора!

Лю Гуюй крикнул из кухни и взял чашки, чтобы разливать утиный суп.

Утиный суп был горячим, слегка кисловатым, но совсем не раздражал желудок; выпьешь чашку и наоборот, становилось свежо и приятно.

Цуй Ланьфан тем временем успела вымыть котёл и, пользуясь оставшимися дровами, вскипятила воду, чтобы оставить её для мытья посуды и вечернего умывания. Цинь Жунши с младшей сестрой вошли, понесли блюда и палочки, и вскоре вся семья уже сидела вокруг стола и начала есть.

Перед едой каждый сначала выпил чашку супа из старой утки с квашеной редькой. Цинь Баньбань уже страшно проголодалась: сегодня ради ожидания Цинь Жунши ужинали позже обычного, и живот у неё давно урчал. Она в два больших глотка выпила утиный суп, затем пододвинулась к деревянному тазику с рисом, наложила себе полную чашку риса и деревянной ложкой зачерпнула ложку мясного фарша с квашеной фасолью. Кисло-острый, мясной аромат, вместе с рисом - чем больше ешь, тем вкуснее.

— Раз эрлан как раз вернулся, завтра сходи со мной в Сяхэ покупать цыплят.

Лю Гуюй сказал это Цинь Жунши только после того, как допил утиный суп. Услышав, что Лю Гуюй зовёт его, Цинь Жунши поспешно поднял голову и посмотрел на него; ещё не успев толком расслышать, он уже кивнул.

Цуй Ланьфан тоже кивнула и сказала:

— Семья Ян в деревне Сяхэ разводит кур. Они арендовали гору и держат больше двухсот кур;

все окрестные семьи, когда покупают цыплят, идут к ним. Наша семья прежде тоже там покупала.

Семья Ян считалась в Сяхэ большой семьёй: они разбогатели на разведении кур и были одними из первых в деревне, кто стал жить в доме из зеленого кирпича с черепичной крышей; дома у них даже нанимали работников и подёнщиков.

Раз уж дело было решено, вся семья поужинала, затем рано умылась и легла спать.

На следующий день Цуй Ланьфан сварила лапшу, как раз использовав вчерашний утиный суп в качестве основы для бульона. Она ошпарила несколько ярко-зелёных листьев овощей, посыпала горстью зелёного лука, и чашка утиной лапши, от аромата которой весь дом наполнялся аппетитом, была готова.

Лю Гуюй и Цинь Жунши съели горячую лапшу, после чего взвалили за спину корзины и вышли из дома. Перед самым выходом снова пошёл дождь: не сильный, но мелкий и нескончаемый, он смочил верхний слой грязи на дороге. Они шли под одним зонтом, плечо к плечу. Лю Гуюй был немного выше Цинь Жунши, так что зонт, естественно, держал он.

Стоя так близко, Цинь Жунши невольно чувствовал запах Лю Гуюя - лёгкий аромат мыльных бобов. Сегодня тот переоделся в чистую одежду, только что выстиранную мыльными бобами; запах был очень слабым, и если бы Цинь Жунши не стоял так близко, он бы его не уловил.

Цинь Жунши тайком взглянул на него раз, потом ещё раз, потом снова...

— Почему ты всё время на меня смотришь?

Лю Гуюй вдруг повернул голову и посмотрел на него.

Цинь Жунши:

— ...Кто на тебя смотрел? Я смотрел на рапс под той межой.

Лю Гуюй приподнял бровь и тоже посмотрел туда, куда был направлен его взгляд. Там тянулось золотистое поле рапсовых цветов. В эту пору они только распустились, дождь промыл их, и жёлтый цвет стал ещё чище, а запах - свежим. Цветок теснился к цветку, стебель к стеблю, и когда налетал ветер, всё превращалось в золотую волну.

Лю Гуюй с улыбкой спросил:

— Съесть захотелось?

Цинь Жунши:

— ...Нет.

Лю Гуюй:

— Хорошо, нет!

Едва договорив, он взял Цинь Жунши за запястье и притянул обратно того, кто тихонько отодвинулся в сторону на полшага. Плечи их тут же столкнулись, и они оказались ещё ближе друг к другу.

Уши Цинь Жунши покраснели, и он, смущённый до злости, спросил:

— Что ты делаешь?!

Лю Гуюй серьёзно ответил:

— Прикрываю как следует. У тебя рукав уже промок.

Сказав это, Лю Гуюй на мгновение замолчал, а потом продолжил:

— Кто велел тебе возвращаться без зонта? Дома только один зонт, так что придётся тебе потерпеть и потесниться со мной.

Цинь Жунши ничего не сказал и снова тайком поднял глаза, взглянув на него.

На этот раз Лю Гуюй не заметил: он ещё наклонил голову набок, глядя в овощное поле, и сказал:

— Уже второй месяц. Ещё через месяц пора будет высаживать рисовую рассаду, и наши поля тоже надо будет использовать.

...

Они добрались до семьи Ян, обменялись с хозяевами парой фраз и объяснили, зачем пришли. Услышав, что они хотят купить цыплят, семья Ян встретила их очень радушно и повела в навес выбирать. В конце они купили двадцать цыплят: двенадцать курочек и восемь петушков.

— Сейчас ведь дождь, а эти цыплята ещё малы, холода им никак нельзя. Вот, здесь есть

плетёная травяная циновка, накройте корзину, чтобы их немного защитить, — семья Ян разбогатела, но не стала смотреть на деревенских свысока; и слова, и движения у них были близкими и естественными.

Говоря это, хозяин стянул небольшую травяную циновку и накрыл ею корзину, а затем посмотрел на Цинь Жунши и с улыбкой спросил:

— Мальчик Цинь, слышал, ты поступил в академию Лумин?

Мужчина из семьи Ян прежде был в не слишком близких, но всё же приятельских отношениях с отцом Цинь; встретившись, они могли перекинуться несколькими словами. Только потом отец Цинь умер, семья Цинь тоже резко пошла на спад, больше не приходила в Сяхэ покупать цыплят, да и в обычные дни они редко виделись, так что эти и без того неглубокие отношения стали ещё слабее. Впрочем, мужчина из семьи Ян всё же в какой-то мере был деловым человеком, умел говорить и не чувствовал неловкости, заводя разговор с людьми.

Цинь Жунши кивнул ему.

Мужчина из семьи Ян похлопал Цинь Жунши по плечу и продолжил:

— Хорошо, хорошо. Я и раньше знал, что ты ребёнок с будущим. Если младший брат Цинь там, внизу, узнает, тоже сможет быть спокоен.

После пары вежливых фраз Лю Гуюй и Цинь Жунши вышли из ворот семьи Ян. Когда шли туда, пустую корзину нёс за спиной Лю Гуюй, а на обратном пути её уже переложили на плечи Цинь Жунши.

Дождь усилился. По дороге они больше почти не разговаривали, только ускорили шаг и поспешили домой.

У входа в Шанхэ они снова увидели знакомую фигуру. Это был Чэнь Саньси. На нём был тяжёлый плащ из соломы, на голове - плетёная бамбуковая шляпа-доули, в руке он держал полуживого кролика и шёл прочь из деревни; по виду казалось, что он собирается выйти из неё.

Лю Гуюй на мгновение остановился и крикнул ему:

— Младший брат Чэнь, ты куда?

Услышав голос, Чэнь Саньси остановился и повернул голову к Лю Гуюю. Хотя он был в соломенном плаще и доули, несколько прядей у лба уже промокли насквозь, штанины тоже намокли и были залепаны мокрой грязью. Он без выражения стоял под дождём, потом приподнял кролика в руке и сказал:

— В город, продать кролика.

Лю Гуюй поспешно спросил:

— Штанины уже все мокрые, почему зонт не взял?

Чэнь Саньси не замедлился и не задумался, прямо ответил:

— Нет.

Лю Гуюй:

— ...

Лю Гуюй на мгновение застыл, а потом с запозданием почувствовал неловкость. Масляный бумажный зонт - он ведь и был бумажный, ещё покрытый тунговым маслом, и стоил недёшево. У многих деревенских семей зонтов не было: вещь эта и дорогая, и хрупкая, да и не первая необходимость в доме. Если в дождливый день идти работать в поле, разве зонт удобнее соломенного плаща?

Только теперь Лю Гуюй понял, что его слова прозвучали немного как «почему бы им не есть мясную кашу».

Пока он стоял в растерянности, Чэнь Саньси кивнул им двоим, словно поздоровался, затем с кроликом в руке повернулся и пошёл дальше. Чэнь Саньси вырос при охотнике, но тот охотник умер рано и не успел научить его настоящему ремеслу. Он нахватался лишь кое-как, наполовину; если везло, мог силками добыть какую-нибудь мелочь вроде диких кроликов или фазанов.

Он был сиротой, его подобрал и вырастил старый деревенский охотник. Позже старый охотник умер, и он стал жить один у подножия горы, сам себя кормил: когда везло, добывал немного дичи и продавал в городе, или спускался к ручью ловить рыбу и креветок, чтобы обменять на деньги и овощи, а во время страды помогал деревенским с полевыми работами, тоже зарабатывая себе чашку еды.

Дни у него были нехорошие, жил кое-как, перебиваясь.

Лю Гуюй и Цинь Жунши продолжили идти в сторону дома. На полпути Лю Гуюй вдруг сказал:

— У нас дома никто не умеет работать в поле. Раньше ведь уже говорили, что надо нанять человека... Как думаешь, Чэнь Саньси подойдёт?

Услышав это, Цинь Жунши и правда опустил глаза и немного подумал, а потом кивнул:

— Неплохо.

Цинь Жунши и сам был молчаливой тыквой, а Чэнь Саньси был ещё молчаливее. Деревенские женщины и фуланы, обсуждая его, говорили, что этот ребёнок замкнутый, разговаривать не любит, людей встретит - только опустит голову и идёт, никогда не здоровается, словно немой. Но чаще всего говорили лишь, что характер у него странный; плохим его почти никто не называл.

Чэнь Саньси был самостоятельным, трудолюбивым, к тому же смелым. Пусть нрав у него был замкнутый, но сердце не дурное - хороший ребёнок.

Лю Гуюй ещё помнил, как, едва он перенёсся сюда, Цинь Баньбань ушла на гору Ланкоу копать лекарственные травы и долго не возвращалась. Ланкоу была не чета горе Сяолю: даже деревенские мужчины без крайней необходимости туда не ходили. В тот раз именно Чэнь Саньси сам вызвался провести их в горы искать человека.

Услышав ответ Цинь Жунши, Лю Гуюй тоже кивнул и продолжил:

— Пусть он ещё не слишком взрослый, зато сложен крепко, силой ничуть не уступает взрослому мужчине. Работает тоже прилежно. Слышал, во время страды он часто помогает деревенским, и я не слышал, чтобы кто-нибудь говорил, будто он плохо справляется. Думаю, ухаживать за посевами он тоже умеет. У меня есть способ удобрять землю, не хватает только человека, который возьмётся за дело. По-моему, он очень подходит.

К тому же... Чэнь Саньси жил нелегко, а так он и себе поможет, и другому - одним выстрелом убить двух зайцев.

Но Цинь Жунши слышал только фразу «способ удобрять землю». Он с полуулыбкой скосил взгляд на Лю Гуюя и спросил:

— Тот самый «способ удобрять землю», который ты прочёл в книгах Лю-сюэя?

Лю Гуюй:

— ...

Лю Гуюй повернул голову и посмотрел на него, как раз встретившись с чуть улыбающимися глазами феникса Цинь Жунши. Цвет его глаз был очень тёмным, словно одним взглядом он уже видел Лю Гуюя насквозь.

— Ай-я, дождь снова усилился, лучше нам скорее возвращаться!

Он потянул Цинь Жунши домой.

Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань ждали их дома. Увидев, что они вернулись, Цуй Ланьфан поспешно вышла навстречу, в руке у неё был ещё более новый зонт.

Она сказала Цинь Жунши:

— Эрлан, разве ты не говорил, что не взял зонт с собой? А я смотрю - в твоей комнате он есть!

Вчера шёл дождь; как могло быть, чтобы Цинь Жунши, возвращаясь в деревню, не взял зонт? Цуй Ланьфан вспомнила об этом только после того, как они оба ушли. Зашла в комнату поискать и действительно нашла.

Цинь Жунши помолчал немного и в конце ответил без тени смущения:

— ...Я забыл.

Сказав это, он поспешно сменил тему:

— Цыплят купили, матушка, скорее посмотри.

Цуй Ланьфан ещё в прошлом году хотела держать кур, а за последнее время здоровье у неё стало лучше, так что можно было снова немного похлопотать. В маленьком заднем дворе за кухней давно уже огородили курятник, поставили навес, всё было подготовлено, только и ждали, когда цыплят принесут домой.

— Пи-пи-пи... пи-пи...

Маленькие цыплята ещё по дороге всё время пищали, их нежно-жёлтые клювики то раскрывались, то смыкались, и крошечными клювами они клевали бамбуковое плетение корзины. Лю Гуй одного за другим выпустил их в курятник. Двадцать цыплят, собравшись вместе, были похожи на пушистые нежно-жёлтые ватные шарики. Малыши были пугливы: оказавшись в незнакомом месте, немного испугались и робко сбились в кучку, жёлтый пух прижимался к жёлтому пуху - до невозможности мило.

Лайцай ещё никогда не видел кур и счёл это забавным. Виляя хвостом, он бросался к бамбуковой ограде курятника и без конца лаял. А увидев, как перепуганные цыплята мечутся, пряча головы, залаял ещё веселее - настоящий озорник.

В конце концов Баньбань всё же хлопнула щенка по голове и строго сказала:

— Лайцай, нельзя пугать цыплят.

Она шлёпнула Лайца, а потом прогнала щенка в сторону, и тот от обиды залаял ещё громче:

— Гав-гав-гав!

Цуй Ланьфан тоже была рада. Она вернулась в дом, взяла горсть отрубей и бросила в курятник, глядя, как пушистые комочки сгрудились вокруг и стали клевать. Когда цыплята наелись, они наконец перестали так бояться и, покачиваясь, принялись осматривать свои владения, оставляя на грязной земле цепочки маленьких следов, похожих на бамбуковые листочки.

День всегда проходил очень быстро. Свет померк, и из кухни снова потянулся дым.

Завтра Цинь Жунши опять нужно было возвращаться в академию, поэтому Лю Гуюй обжарил две бамбуковые трубки мясного соуса, сделал ещё одну пачку апельсиновых конфет и одну пачку конфет с мёдом и помело, чтобы тот взял с собой в академию.

Подготовив всё это, он только тогда начал готовить ужин. Вчерашнего утиного супа ещё оставалось немного, кроме него достаточно было обжарить ещё два блюда. На побегах чуня ранней весной выросли нежные почки, пурпурно-красные с зеленью, такие мягкие, что из них можно было выжать сок; сорвать горсть и обжарить с яйцом подходило лучше всего.

Два деревенских куриных яйца разбили в миску, смешали с нарезанными почками чуня и взбили. Когда котёл разогрелся, а масло раскалилось, яичную смесь вылили внутрь; золотистая, с красным и зелёным, она поджарилась в масле, края свернулись и чуть подрумянились, и аромат сразу же хлынул наружу. Ещё была тарелка постно обжаренных цветков рапса: сухим красным перцем он «всколыхнул» масло в котле, затем всыпал рубленый чеснок и обжарил до аромата, после чего отправил в котёл вымытые цветки рапса, быстро перемешал, приправил, дважды провернул лопаткой, и можно было выкладывать на тарелку.

Лю Гуюй, держа две тарелки с блюдами, повернул голову к Цинь Жунши, сидевшему перед очагом, и окликнул:

— Эрлан, разве ты не хотел попробовать цветки рапса? Скорее иди попробуй.

Он смотрел на Цинь Жунши, и всё лицо его сияло улыбкой.